

Великий князь и ишак

Как-то в Кисловодском народном краеведческом музее собрались старожилы города. Перед ними выступил с воспоминаниями о прошлом бывший местный житель, а ныне москвич, полковник в отставке И. Я. Правдивцев. Он привел, в частности, развеселивший всех эпизод из периода своей службы еще в царской армии.

— Это было в первую мировую войну, — рассказывал неторопливо он. — Я тогда проходил службу в 5-й Кавказской стрелковой дивизии. Как телеграфист по специальности, числился солдатом роты связи... Однажды в дивизии поднялся страшный переполох. Ей должен был сделать смотр командующий действующей армией на турецком фронте, дядя самодержца, великий князь Николай Николаевич.

Конечно, все мылось, белилось, красилось, подтягивалось, чистилось, чуть ли не вылизывалось языком. А нас, серую скотинку, нижних чинов, муштровали до обалдения.

И вот настал торжественный день. Полки выстроились на огромном плацу. Вдоль замерших, казалось, не дышавших рядов, медленно двигалась, вся в золоте и серебре мундиров и регалий, кавалькада всадников.

Николай Николаевич, несуразно высокий, с породистым, уже тронутым тлением старости лицом, легонько гарцевал впереди целой толпы важнецких генералов, подъезжал к каждой отдельной части и здоровался. Ему отвечало прямо-таки громовое, отшлифованное кулаками фельдфебелей: «Здрав... желав... ваш... сочство!!!»

Вот наконец грозное начальство приблизилось к нашей роте, замыкавшей строй. А так как мы должны были сражаться за веру, царя и отечество в горных условиях, то у каждого имелся ослик, нагруженный телефонными проводами, аппаратами и другим имуществом.

А надо вам сказать, хозяином

самого крупного ишака был пройдоха из пройдох, по национальности цыган. Он, как все мы знали, приучил своего скота к такому трюку. Почешет ему под мордой шею, и ишак непременно поднимет невероятный рев от райского блаженства.

Так вот, приблизился генералитет. Великий князь приподнялся на стременах и этак браво выкрикнул, выпучив оловянные глаза:

— Здо-ово... моод-цы связисты!

Мы, было, приготовились рявкнуть в ответ изо всей мочи. Но цыган, шельма, успел почесать своего подлеца, и тот, разумеется, как взревет в ответ на приветствие на все поле «И-ааа!.. И-ааа!..» Так вся дивизия чуть не задохнулась от смеха.

Дав нам похохотать, Иван Яковлевич с улыбкой добавил.

— Долго нас потом таскали по следствиям. «А па-чему, каналы, не вовремя заревел осел, чтоб он подох сто раз?!— допытывались с пеной у рта штабные офицеры.— Всю обедню нам, сукин сын, испортил!»

Особенно, понятно, вцепились в нашкодившего «рому». Но тот прикинулся дурачком и твердил одно:

— А, брат, а аткуда я могу знать, что на уме у глупого животного? А спросите его сами...

А. ПЕТРЕНКО